

DOI: 10.17805/zpu.2015.1.24

Понятие «культурный архетип» как инструментарий анализа национального искусства

Э. М. Колчева

(МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, Г. ЙОШКАР-ОЛА)

В статье категория «культурный архетип» обосновывается как эффективный аналитический инструментарий этнонационального искусства, отражающихся в нем этнокультурных процессов. Актуальность такой методологии связывается с реактуализацией этничности на рубеже XX–XXI вв., породившей в искусстве новые формы.

Автор обобщает свой опыт анализа финно-угорского неомифологизма и этнофутуризма, в частности марийского изобразительного искусства. Рассмотрены юнгианский и отечественный подходы к архетипу, обозначены фундаментальные признаки культурного архетипа, выявленные в разных исследовательских традициях. Юнгианский показывает, что культурный архетип не тождественен психологическому архетипу коллективного бессознательного, он принадлежит культуральному (культурному) бессознательному — области исторической памяти, образующейся между коллективным бессознатель-

ным и существующим образцом культуры. По сравнению с непредставимыми архетипами коллективного бессознательного в психике индивида культурные архетипы — это в большей степени готовые, исторически сложившиеся репрезентативные культурные формы, символы. Российская наука к культурному архетипу и фактически к культуральному (культурному) бессознательному пришла через понятие литературно-мифологического архетипа, через фольклористику и литературоведение. Разные подходы дополняют и друг друга, и обогащают методологическую базу исследователя национального искусства.

В национальном искусстве этнокультурный архетип выступает в первую очередь содержательным базовым элементом. Художественно-образными средствами архетип воспроизводит такие фундаментальные свойства, как постоянство репрезентаций во времени; стилистическая вариативность инварианта архетипа; тенденция к приращению смыслов на каждом новом этапе, в этом же ключе могут представать репрезентированные в художественном образе следы амбивалентности; аффективное воздействие на зрителя, окрашенное нуминозностью, сакральностью или отторжением, отсюда — динамическая сила произведения; этноцентричность как поисково-адаптационная направленность национального искусства, так осуществляется регуляторная функция архетипа в культуре этноса. Способы художественной репрезентации этнокультурных архетипов несут информацию о характере этнокультурной рефлексии.

Ключевые слова: культурный архетип, культуральное бессознательное, К. Г. Юнг, юнгианство, национальное искусство, неомифологизм, этнофутуризм.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из значительных культурных тенденций рубежа XX–XXI вв. на постсоветском культурном пространстве стала повсеместная реактуализация этничности. Национальное искусство, уйдя от советской парадигмы, включилось в процесс этнокультурной рефлексии, активно производит новые формы и создает новые мифы. Анализ художественных репрезентаций этнических культурных архетипов, понимаемых как «базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни» (Забяяко, 1998: 38), может стать эффективным ключом к пониманию означенных процессов.

Целью данной статьи является обоснование понятия «культурный архетип» в качестве исследовательского инструментария изобразительного искусства как этнонационального феномена. Для этого решаются следующие задачи: рассматривается эволюция понятия «архетип» в зарубежной и отечественной науке, выявляются его фундаментальные свойства применительно к искусству. Автор обосновывает опыт изучения финно-угорского этнофутуризма и марийского изобразительного искусства.

АРХЕТИП В ЮНГИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Как известно, понятие архетипа в исследовании культуры внедрилось во многом благодаря теории К. Г. Юнга о коллективном бессознательном. Ученый подчеркивал, что термин «коллективное» указывает на «всеобщую природу» этого слоя бессознательного в психике индивида, на идентичность этого слоя у всех людей (Юнг, 1991: 265). Архетипы как «коллективные паттерны» составляют содержание коллективно-бессознательного.

К. Г. Юнг отмечал следующие свойства архетипа. Во-первых, архетип *непредставим*, это лишь «способность сформировать, возможность представления, которая дана априори» (Юнг, 1994: 123). Широко известно сравнение Юнга архетипа с осевой системой кристалла, который заранее задает характер структуры. Его необходимо

отличать от собственно образа, в качестве синонима Юнг использовал термины «первообраз» и «элементарный образ».

Во-вторых, архетип имеет *аффективную природу*. «Опасные ситуации, будь то физическая опасность или угроза душе, вызывают аффективные фантазии, а поскольку такие ситуации типичны, то в результате этого образуются и одинаковые архетипы» (Юнг, 1996b: 128). Следовательно, архетип оказывает нуминозное воздействие на человека.

В-третьих, архетип *амбивалентен*: страх и благоговение, восторг и ужас — чувства, переживаемые в связи с архетипическими образами. Сами эти первообразы несут амбивалентное содержание, поскольку являются производными двойственной природы психики человека, такова, к примеру, анима: «Желая жизни, Анима желает и добра, и зла...» (Юнг, 1991: 124). Это и богиня, и ведьма...

В-четвертых, архетипы — не «реликты прошлого», они играют в психике *регуляторную роль*, выступают целенаправленными и компенсаторными функциями, дают «человеку возможность совершения адаптивных инстинктивных действий» (Юнг, 1994: 114).

Архетипы определяют судьбу не только отдельного человека, но и социума: «Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам, — писал К. Г. Юнг, — особенно это касается религиозных представлений. Но и центральные научные, философские и моральные понятия не являются здесь исключениями» (Юнг, 1996b: 133). К. Г. Юнг акцентировал внимание на бессознательной стороне общественных процессов, подчеркивал громадную динамическую силу архетипических образов: «Коллективная психология действует согласно законам, весьма отличающимся от таковых в нашем собственном сознании. Архетипы — мощные решающие силы, они свидетельствуют о реальных событиях, а не о нашем индивидуальном разуме и практическом интеллекте» (Юнг, 1994: 117).

Вопрос о различении коллективного бессознательного в индивидуальной психике и в ментальности социума четко обозначил ученик и соратник К. Г. Юнга Дж. Хендерсон (Хендерсон, 2007: 149–164). Он выделяет культуральное (культурное) бессознательное — область «исторической памяти, лежащей между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры» (там же: 155). Оно может включать в себя сознательное и бессознательное, задает «тип идентичности» на основе архетипов коллективного бессознательного, задействованных в формировании мифов и ритуалов социальной группы. Дж. Хендерсон отмечает, что К. Г. Юнг указывал на этот пласт коллективной психики, но не давал ему отдельного определения. Культуральная психика живет в родовой традиции, в семье, где человек, ребенок, получает свою первую ориентацию в культуре. Он пишет о необходимости сочетать исследования культурных форм и их архетипических истоков, к чему фактически и пришла юнгианская школа в лице Э. Нойманна, Х. Г. Байнеса, самого Дж. Хендерсона.

Таким образом, культурные архетипы — это уже не просто некие пустые формы как «возможности» представлений, а по сравнению с непредставимыми архетипами коллективного бессознательного в психике индивида в гораздо большей степени готовые, исторически сложившиеся репрезентативные культурные формы, символы. В то же время они сохраняют обозначенные К. Г. Юнгом признаки: аффективная природа, регуляторная функция в общественных процессах. Но свойство амбивалентности в определенных случаях уже можно ставить под сомнение, поскольку архаичные синкретичные архетипы по мере усложнения культуры дифференцируются, образуя

самостоятельные архетипы, порой противопоставляющиеся в культуре. Ярчайшим образцом выступает, например, образ Девы Марии. В марийской традиционной культуре противоположностями стали некогда равнозначные близнецы — демиурги Юмо и Керемет, женскому идеальному образцу Юмындур противопоставит демонологическая Овда и т. п.

Актуализация архетипа служит включению культурного опыта в новые исторические реалии. Согласно К. Г. Юнгу это есть «шаг в прошлое», возвращение к архаическим качествам духовности, однако усиление архетипического может быть и проекцией в будущее: «Вся мифология и все откровения произошли из этой матрицы опыта, а значит, и будущая идея о мире и человеке также выйдет из нее» (Юнг, 1996а: 244). Этот тезис раскрывает глубинный социокультурный смысл художественных процессов, происходящих в современной культуре многих народов, в неомифологических тенденциях, в таком ярком явлении, как финно-угорский этнофутуризм.

Национальное искусство демонстрирует непрестанную «сверку» этнического архетипа. В связи с обозначенной в теме статьи проблемой особую роль играет тот факт, что культурные архетипы раскрывают свое содержание иконически, т. е. посредством наглядной формы. Они «явлены в сознании как архетипические образы, изобразительные черты которых определяются культурной средой и способом метафорической репрезентации» (Флиер, 2002: 233), т. е. пластические виды творчества по своей природе выступают информационной средой, поддерживающей регулярную верификацию этнической идентичности. Это объясняет значительную роль изобразительных форм творчества в финно-угорском неомифологизме, особенно в его марийском варианте (Колчева, 2008).

Теме архетипа в искусстве К. Г. Юнг уделил отдельное внимание. Сформулированные ученым идеи звучат в контексте культурного архетипа и культурального бессознательного, поскольку, полемизируя с Фрейдом, он указывает на социальную природу искусства, на то, что искусство есть «надличностное явление» (Юнг, 1996с: 45).

Творческий процесс Юнг видит в «бессознательном оживлении» архетипа, его развитии и оформлении до завершеного произведения, а тайну восприятия произведения искусства, т. е. катарсический механизм, в обнаружении архетипа, связь с которым «освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный». Социокультурная функция искусства заключается, по Юнгу, в духовной саморегуляции в жизни наций и времен, оно всегда трудится над воспитанием духа времени, переводя наверх те образы, которых последнему не достает, а «воспитателем» века является художник, имеющий непосредственную связь с бессознательным, он возводит обозначаемое им из единичного и преходящего до сферы вечно сущего (там же: 59).

Этот вывод обнажает суть творчества современных художников, вовлеченных в процесс этнокультурной рефлексии. Этнофутуристическая роль мастера состоит в извлечении из забвения значимого первообраза, его новом осмыслении и насыщении адекватным современности содержанием, придании соответствующей формы и вида, а уж «обратную дорогу» в коллективный духовный опыт народа тот найдет сам.

К. Г. Юнг ставит методический вопрос: «К какому элементарному образу коллективного бессознательного может быть сведен образ, проявившийся в художественном произведении?» — и предлагает попытаться «посредством вывода из завершеного художественного произведения реконструировать примитивные образцы элементарного образа» (там же: 57). Знание архетипов конкретной культуры позволяет идентифицировать их в произведении, оценить их специфическую форму репрезентации.

Приступая к интерпретации конкретных произведений искусства с точки зрения архетипического содержания, всегда необходимо помнить предупреждение Юнга о том, что «природа архетипов не позволяет четко истолковывать их... всякая интерпретация — это более или менее успешная попытка “перевода на другой образный язык”» (Юнг, 2004: 91). «Любая попытка добиться точности немедленно наказывается тем, что неощутимое ядро значения теряет свою ясность» (там же: 113). В полифонии символических значений образов интерпретатору необходимо попытаться зафиксировать самое значимое, или, как ставил задачу К. Г. Юнг, обозначить границы и дать приблизительное описание ядра смысла (там же: 87). Именно такой подход применяется автором данной статьи в анализе современного изобразительного искусства финно-угров, в частности, народа мари, как формы этнокультурной рефлексии (Колчева, 2012).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО АРХЕТИПА

Российская наука шла к понятию культурного архетипа через фольклористику и литературоведение, т. е. изначально формировалась как некоторый методологический подход в изучении искусства. Исследователи говорят о собственной концепции архетипов в русской науке уже в XIX в., подразумевая идеи об универсальных мифологических «первообразах» и «первозлементах» Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. А. Потемни, А. Н. Веселовского (см.: Власенко, 2011: 181). В XX в. в отечественных исследованиях Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова, С. Ю. Неклюдова и др. складывается понятие мифологического и литературного архетипа.

В современном литературоведении имеет место понимание архетипа как «универсального прасюжета или прообраза, зафиксированного мифом и перешедшего из него в литературу» (там же: 189) (добавим, а также и в другие виды профессионального искусства). В то же время литературоведы сами указывают на вторичность литературного архетипа в культуре, А. Ю. Большакова определяет архетип как «основную ситуацию, характер или образ, который постоянно появляется в жизни и, следовательно, в литературе» (Большакова, 2001: 170). Собственно культурные архетипы у нее предстают как «наиболее устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения (личности, нации, народа)» (там же: 170), метаконцепты культуры. Это «инвариантное ядро человеческой ментальности, видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией, в сопротивлении ей и в адаптации к ней» (там же: 172).

А. Ю. Большакова понимает коллективное бессознательное как «коллективную память» (Большакова, 2010b: 67), что ближе к культуральному бессознательному Дж. Хендерсона, чем к бессознательному пласту родовой человеческой психики К. Г. Юнга. Она вводит собственное понятие «культурного бессознательного» как «устойчивого набора образов, тем, мотивов, коренящихся в глубинах мифопоэтических воззрений нации» (Большакова, 2010b: 70). Оно принадлежит сфере художественной культуры, а потому зачастую у нее культурный и литературный архетипы выступают синонимичными понятиями.

Исследуя архетип как художественный концепт, А. Ю. Большакова находит ряд его важных свойств.

1. Инвариантность архетипа предполагает «ментальное расширение первичной модели, что обуславливает вариативность его воплощений в культуре (литературе) и своеобразную эволюцию» (Большакова, 2012: Электр. ресурс). Подобное смысловое расширение базовых архетипов мариийской культуры очень ярко прослеживается на

современном этапе в творчестве художников-неомифологов И. Ямбердова, И. Ефимова, В. Боголюбова, Ю. Таныгина и др. Личностная рефлексия наполняет их содержаниями, которых изначально в архетипах быть не могло в силу специфики традиционного общества.

2. Состояние свернутости — исходная форма существования архетипа (Большакова, 2010а: 49). Это отсылает литературно-художественный архетип к культурному символу как таковому, его способности сохранять в свернутом виде обширные и значительные тексты (Лотман, 1992: 192). Другими словами, этим свойством обладает всякий культурный архетип, символ как форма репрезентации культурного архетипа, в том числе и художественного, воспроизводит его свойства.

3. Литературный архетип имеет бинарную структуру и образует антиномичные архетипические модели (умирание/возрождение, добро/зло и пр.). Эта особенность архетипа объяснима из психологических взглядов К. Г. Юнга, отметившего амбивалентную природу архетипа коллективного бессознательного. Культурный, в том числе и художественный, архетип берет начало в том же источнике.

4. В структуре литературного архетипа имеются пассивный и актуальный слои. Актуальный отличается историчностью, национальной окрашенностью, т. е. определяется культурным контекстом, пассивный выступает инвариантным ядром, образующим «сквозной» образ-тип. В актуальной репрезентации пассивный слой может быть стерт, следовательно, его необходимо реконструировать, привлекая древние источники (Большакова, 2010а: 50). Такой подход может оказаться весьма эффективным в изучении этнонационального искусства. Если этнофутуризм напрямую обращается к древним символам, стилизует, цитирует, создает аллюзии, то в национальном искусстве периода соцреализма этнокультурный архетип «затерт», но все же присутствует. Предлагаемая А. Ю. Большаковой методика согласуется с выдвинутым К. Г. Юнгом подходом к изучению художественного творчества.

Наконец, А. Ю. Большакова разграничивает архетип как психологический и культурный феномены, ставя их в диахронической последовательности, как первобытный «биопсихологический», воплощающийся в мифе, и «ноосферический», представленный в литературе и искусстве. В известной степени с таким взглядом можно согласиться, за ним просматривается эволюция культурного архетипа, его выделение из единого синкретичного первичного образования по мере дифференциации культуры в целом, но, строго говоря, и культурный архетип, и его родовой источник — архетип коллективного бессознательного в психике отдельного индивида — можно обнаружить на обеих стадиях развития культуры, поскольку они представляют собой две стороны единого процесса.

Понятие архетипа используется сегодня в социально-гуманитарных исследованиях всевозможных направлений, оно стало одной из базовых категорий культурологии. Возникли понятия социального архетипа, этнического архетипа и т. п. Этнический архетип понимается как «скелет народной идеи» (Рачин, 2011: 81). Фактически этнокультурными архетипами становятся первые национальные символы — этот вывод вытекает из размышлений этнопсихолога А. А. Налчаджяна: «Психологическое содержание первых национальных символов оказывает постоянное влияние на формирование национального характера, т. е. является одним из постоянно действующих факторов этногенеза» (Налчаджян, 2004: 147). Ученый подчеркивает, что художественная культура нации — наиболее благоприятная сфера для создания новых символов, ставит задачу изучения процессов художественного творчества с целью познания актуальных этнических процессов (там же: 175).

Широк спектр прагматики культурного архетипа в социуме, и прежде всего в сегменте массовой культуры, сфере коммуникации и манипуляций массовым сознанием. Эта область актуализации этнокультурного архетипа представляет особый интерес для автора статьи в связи с изучением этнофутуризма. К примеру, исследователь Л. Н. Кошетарова считает: «Реклама, основанная на этнокультурных архетипах, является необходимым условием сохранения национальной идентичности и самобытности культуры. <...> Такая реклама вызывает позитивные эмоции (чувства сопричастности, патриотизма)... <...> Кроме того, использование в рекламе культурных символов и архетипов является необходимым условием возрождения и сохранения как общекультурного опыта всего человечества...» (Кошетарова, 2010: 125) Не отрицая этой мысли, отметим, что порою в массовой культуре имеет место обратное: «переворачивание» этнического архетипа и создание его симулякра там, где речь идет о внедрении ценностей культуры потребления. Анализ подобных произведений на марийском материале был проделан автором в ряде публикаций (Колчева, 2011).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подчеркнем, что считаем культурные архетипы базовыми первоэлементами культуры. Культурные архетипы принадлежат *культуральному (культурному) бессознательному* — области «исторической памяти, лежащей между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры» (Дж. Хендерсон), в то время как коллективное бессознательное — средоточие архетипов родовидовой психики индивида. Культурные архетипы — это исторически сложившиеся репрезентативные культурные формы, символы.

В художественном произведении культурный архетип выступает его содержательным элементом, «элементарным первообразом». В этнонациональном искусстве предметом отражения становится в первую очередь этнокультурный архетип, который художественно-образными средствами воспроизводит свои фундаментальные свойства, демонстрируя:

— постоянство репрезентаций во времени, т. е. его можно обнаружить в национальном искусстве на всех этапах становления;

— стилистическую вариативность инварианта этнокультурного архетипа на различных этапах развития национального искусства, во многом связанную с «развернутостью» определенного актуального смыслового слоя архетипа;

— тенденцию к ментальному расширению первичной модели архетипа, приращению смыслов на каждом новом этапе развития этнонационального искусства, причем в этом же ключе могут предстать репрезентированные в художественном образе следы амбивалентности архетипа;

— бинарность, антиномичность архетипических образов в художественном произведении;

— сильное эмоциональное воздействие на зрителя, окрашенное нуминозностью, сакральностью, а иногда и активным отторжением, отсюда вытекает динамическая сила таких произведений, позволяющая отмечать их как значительное явление художественной жизни общества;

— этноцентричность как поисково-адаптационную и охранительную направленность национального искусства по отношению к этнической культуре. Тем самым осуществляется регуляторная функция архетипа в культуре этноса.

Исследование архетипики искусства, анализ способов репрезентации этнокультурных архетипов несут информацию о процессах этнокультурной рефлексии, позволяя

ют судить о характере этой рефлексии, отличать искусство в качестве подлинно этнического феномена. В этом состоит инструментальный потенциал понятия «культурный архетип» при изучении этнонационального искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большакова, А. Ю. (2001) Литературный архетип // Литературная учеба. № 6. С. 169–173.
- Большакова, А. Ю. (2010a) Архетип — концепт — культура // Вопросы философии. № 7. С. 47–57.
- Большакова, А. Ю. (2010b) Мифопоэтическое и архетипическое: к проблеме становления духовных традиций и практик // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». № 2. С. 63–70.
- Большакова, А. Ю. (2012) Теория архетипа и концептология [Электронный ре-сурс] // Культурологический журнал. № 1. URL: http://cg-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 [архивировано в WebCite] (дата обращения: 07.02.2014).
- Власенко, Е. Ю. (2011) Проблема архетипов и архетипических образов в литературоведении // Симбирский научный вестник. № 2 (4). С. 181–189.
- Забяко, А. П. (1998) Архетипы культурные // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. СПб. : Университетская книга ; Алетейя. Т. 1. 447 с. С. 38–39.
- Колчева, Э. М. (2008) Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола : Марийск. гос. ун-т. 164 с.
- Колчева, Э. М. (2011) Культурологические подходы к исследованию национального изобразительного искусства // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические : сб. науч. ст. : в 3 ч. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т. Ч. 1. 183 с. С. 146–151.
- Колчева, Э. М. (2012) Пространственные архетипы культуры мари: образ дерева в марийском изобразительном искусстве // Дом Бурганова. Пространство культуры. № 4. С. 44–55.
- Кошетарова, Л. Н. (2010) Архетип и символ как основные формы выражения культурных смыслов рекламы // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 122–126.
- Лотман, Ю. М. (1992) Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллинн : Александра. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с. С. 191–199.
- Налчаджян, А. А. (2004) Этнопсихология. 2-е изд. СПб. : Питер. 381 с.
- Рачин, Е. И. (2011) Структура и сущность этнического архетипа // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. № 2. С. 80–90.
- Флиер, А. Я. (2002) Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга. 492 с.
- Хендерсон, Дж. (2007) Культуральное бессознательное // Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. 2-е изд. М. : Добросвет ; КДУ. 272 с. С. 149–164.
- Юнг, К. Г. (1991) Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс. 304 с. С. 97–128.
- Юнг, К. Г. (1994) Аналитическая психология. СПб. : МЦНКИТ «Кентавр». 132 с.
- Юнг, К. Г. (1996a) Аналитическая психология и мировоззрение // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Изд. группа «Прогресс» ; Универс. 331 с. С. 219–246.
- Юнг, К. Г. (1996b) Структура души // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Изд. группа «Прогресс» ; Универс. 331 с. С. 111–133.
- Юнг, К. Г. (1996c) Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М. : Изд. группа «Прогресс» ; Универс. 331 с. С. 37–60.
- Юнг, К. Г. (2004) Душа и миф. Шесть архетипов. Минск : Харвест. 400 с.

Дата поступления: 18.06.2014 г.

*THE CONCEPT OF "CULTURAL ARCHETYPE"
AS A TOOL FOR ANALYSING ETHNO-NATIONAL ART*

E. M. KOLCHEVA

(MARI STATE UNIVERSITY, YOSHKAR-OLA)

The article looks at the category of "cultural archetype" as an effective tool for analysis of ethno-national art. Reactualization of the ethnic background of art in the early 21st century has led to the rise of new artistic forms, making the study of archetypes still more topical.

This article summarizes the author's research into Finno-Ugric neomythologism and ethnofuturism as it applies to, in particular, Mari ethnic art. We distinguish between Jungian and Russian approaches to cultural archetype.

In the Jungian psychoanalytic tradition, the cultural archetype is not identical to the psychological archetype of the collective unconscious, it belongs to the cultural unconscious, to the area of historical memory which lingers between the collective unconscious and the existing pattern of a culture. Unlike the unimaginable archetypes of the collective unconscious, cultural archetypes in a psyche are much more similar to ready-made and, historically conditioned representative cultural forms and symbols. From the Jungian perspective, the meaning of art is related to unconscious representation of archetypes through the completed masterpiece. The interpreter's task is to identify and to give an approximated description of the semantic core of an archetype.

Russian researchers have approached the cultural archetype and the cultural unconscious through the concept of literary and mythological archetype. Different takes complement each other and enrich the methodological framework of a scholar of ethno-national art.

In ethno-national art, the ethno-cultural archetype is a basic element of content. Making use of resources of artistry and imagination, the archetype preserves such fundamental features as the integrity of representations over time; stylistic variation of the archetypal invariant; the tendency to augment the meanings at every new stage; affective impact on the viewer, tinged with the numinous, sanctified, or rejective; ethnocentricity as national art's drive towards search and adaptation. The methods of artistic representation of archetypes characterize the nature of ethnocultural reflection.

Keywords: cultural archetype, the cultural unconscious, C. G. Jung, Jungian school, ethno-national art, neomythologism, ethnofuturism.

REFERENCES

Bolshakova, A. Yu. (2001) Literaturnyi arkhetyip [The literary archetype]. *Literaturnaia ucbeba*, no. 6, pp. 169–173. (In Russ.).

Bolshakova, A. Yu. (2010a) Arkhetip — kontsept — kul'tura [Archetype — Concept — Culture]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 47–57. (In Russ.).

Bolshakova, A. Yu. (2010b) Mifopoeticheskoe i arkhetyipicheskoe: k probleme stanovleniia dukhovnykh traditsii i praktik [The mythopoetical and the archetypal: on the rise of spiritual traditions and practices]. *Sborniki konferentsii NITs «Sotsiosfera»*, no. 2, pp. 63–70. (In Russ.).

Bolshakova, A. Yu. (2012) Teoriia arkhetyipa i kontseptologiiia [Theory of archetype and conceptology]. *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1 [online] Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9 [archived in WebCite] (accessed 07.02.2014). (In Russ.).

Vlasenko, E. Yu. (2011) Problema arkhetyipov i arkhetyipicheskikh obrazov v literaturovedenii [The problem of archetypes and archetypal images in literary criticism]. *Simbirskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (4), pp. 181–189. (In Russ.).

Zabiiako, A. P. (1997) Arkhetipy kul'turnye [Cultural archetypes]. In: *Kul'turologiia. XX vek* [Cultural studies. 20th century]: an encyclopedia: in 2 vols. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ; Aleteiia Publ. Vol. 1. 447 p. Pp. 38–39. (In Russ.).

Kolcheva, E. M. (2008) *Etnofuturizm kak iavlenie kul'tury* [Ethnofuturism as a phenomenon of culture]. Yoshkar-Ola, Mari State University. 164 p. (In Russ.).

Kolcheva, E. M. (2011). Kul'turologicheskie podkhody k issledovaniiu natsional'nogo izobrazitel'nogo iskusstva [Cultural studies approaches to the study of national fine art]. In: *Problemy*

kul'tury v sovremenom obrazovanii [Problems of culture in modern education] : collection of research articles : in 3 parts. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ. Part 1. 183 p. Pp. 146–151. (In Russ.).

Kolcheva, E. M. (2012) Prostranstvennyye arkhetipy kul'tury mari: obraz dreva v mariiskom izobrazitel'nom iskusstve [Spatial archetypes of Mari culture: The image of the tree in the Mari fine art]. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury*, no. 4, pp. 44–55. (In Russ.).

Koshetarova, L. N. (2010) Arkhetip i simvol kak osnovnye formy vyrazheniia kul'turnykh smyslov reklamy [Archetype and symbol as the main expressing forms of advertising cultural meanings]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 122–126. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1992) Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]. In: Lotman, Yu. M. *Izbrannyye stat'i* [Selected articles] : in 3 vols. Tallinn, Aleksandra Publ. Vol. 1: *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Articles on semiotics and the typology of culture]. 479 p. Pp. 191–199. (In Russ.).

Nalchadzhian, A. A. (2004) *Etnopsikhologiiia* [Ethnopsychology]. 2nd edn. St. Petersburg, Piter Publ. 381 p. (In Russ.).

Rachin, E. I. (2011) Struktura i sushchnost' etnicheskogo arkhetipa [The structure and essence of ethnic archetype]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 80–90. (In Russ.).

Flier, A. Ya. (2002) *Kul'turologiia dlia kul'turologov* [Cultural studies for culturologists]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. ; Ekaterinburg, Delovaia kniga Publ. 492 p. (In Russ.).

Henderson, J. (2007) Kul'tural'noe besoznatel'noe [The cultural unconscious]. In: Henderson, J. *Psikhologicheskii analiz kul'turnykh ustanovok* [Psychological analysis of cultural systems]. Moscow, Dobrosvet Publ. ; KDU Publ. 272 p. Pp. 149–164. (In Russ.).

Jung, C. G. (1991) Ob arkhetipakh kollektivnogo besoznatel'nogo [Archetypes and the collective unconscious]. In: Jung, C. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ. 304 p. Pp. 97–128. (In Russ.).

Jung, C. G. (1994) *Analiticheskaia psikhologiiia* [Analytical psychology]. St. Petersburg. Kentavr Publ. 132 p. (In Russ.).

Jung, C. G. (1996a) Analiticheskaia psikhologiiia i mirovozzrenie [Analytical psychology and Weltanschauung]. In: Jung, C. G. *Problemy dusbi nashego vremeni* [Problems of the psyche in our time]. Moscow, Progress Publ. ; Univers Publ. 331 p. Pp. 219–246. (In Russ.).

Jung, C. G. (1996b) Struktura dushi [The structure of the psyche]. In: Jung, C. G. *Problemy dusbi nashego vremeni* [Problems of the psyche in our time]. Moscow, Progress Publ. ; Univers Publ. 331 p. Pp. 111–133. (In Russ.).

Jung, C. G. (1996c) Ob otnoshenii analiticheskoi psikhologii k poetiko-khudozhestvennomu tvorchestvu [On the relation of analytical psychology to poetry]. In: Jung, C. G. *Problemy dusbi nashego vremeni* [Problems of the psyche in our time]. Moscow, Progress Publ. ; Univers Publ. 331 p. Pp. 37–60. (In Russ.).

Jung, C. G. (2004) *Dusha i mif. Shest' arkhetipov* [The psyche and the myth. Six archetypes]. Minsk, Harvest Publ. 400 p. (In Russ.).

Submission date: 18.06.2014.

Колчева Эльвира Мазитовна — кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник Марийского государственного университета. Адрес: 424000, Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, д. 44. Тел.: +7 (8362) 46-84-74. Эл. адрес: elviramk@mail.ru

Kolcheva Elvira Mazitovna, Candidate of Art Studies, Associate Professor, Senior research fellow, Mari State University. Postal address: 44 Kremlevskaya St., Yoshkar-Ola, Russian Federation, 424000. Tel.: +7 (8362) 46-84-74. E-mail: elviramk@mail.ru